

Изменить судьбу. Вот это я попал

Автор:

О. Шеллина

Изменить судьбу. Вот это я попал

О. Шеллина

Фантастический боевик. Новая эра

Принцип самосогласованности гласит: «Историю нельзя изменить! Она уже учла твоё влияние и отразила это в учебниках». Молодой ученый-физик Петр Романов знает этот постулат и полностью с ним согласен, вот только что же делать, если сам в результате несчастного случая в лаборатории оказался в теле малолетнего Петра II? Просто принять за данность, что жить тебе остался лишь год, или все-таки попытаться изменить ход истории, вопреки законам, в которые еще недавно верил всей душой?

О. Шеллина

Изменить судьбу. Вот это я попал

Пролог

Взвывшая сигналка заставила заскрипеть зубами и убрать щуп, с помощью которого я считывал данные с объекта. Правила безопасности в этой лаборатории были просто драконовскими, поэтому, чтобы не быть выдворенным с работы, от которой я нахожусь в постоянном экстазе, приходилось этим правилам подчиняться беспрекословно. Наличие же камер исключало различного рода хитрости со стороны персонала.

Аккуратно положив щуп в специальную выдвижную емкость с дезинфицирующим раствором, я вышел из камеры и попал в шлюз, где на меня обрушились мощные струи воды, пены и сбивающие с ног потоки воздуха. После обработки я уже смог выйти в «грязную раздевалку», где стянул защитный костюм и засунул его в бак. Кто убирал костюмы из бака и затем подвергал их глубокой обработке, меня волновало мало, главное, что кто-то этим занимался. Оставшись абсолютно голым, прошел в душевую, где тщательно вымылся, затем через комнату с УФО-облучателями, в которой меня высушили все те же потоки стерильного воздуха, вышел в уже обычную раздевалку и быстро оделся в свою одежду. Я уже завязывал кроссовки, когда дверь в раздевалку открылась и в нее зашла представительная делегация во главе с директором нашего засекреченного института, работающего на благо отечественного обороностроительного комплекса. В толпе замелькали погоны с маленькими звездами, но в большом количестве, и большие звезды, от блеска которых можно было ослепнуть, а среди них скромно белели несколько лабораторных халатов.

– Василий Эдуардович, что случилось? – я вскочил с лавки, на которой сидел, плюнув на не завязанный кроссовок, благодаря всех богов, что одевался быстрее, чем они шли, потому что предстать перед комиссией, а то, что эти звездные генералы могли быть только проверяющей комиссией – это ежу понятно, в чем мать родила – удовольствие так себе, ниже среднего. – Тревога...

– Это была учебная тревога, Романов, – ректор тяжело вздохнул. – Чтобы показать генералу Курову, что ученые тоже могут быть дисциплинированными и ответственными.

Захотелось грязно выругаться. Они вообще представляют себе, насколько сложно хотя бы подойти к объекту? Не говоря уже про то, что все эти бесконечные раздевания-одевания и помывки скоро приведут к тому, что у меня все волосы вылезут, везде. А ведь мне еще тридцати нет. А еще обиднее из-за того, что именно сегодня объект не проявлял вообще никаких волнений, спокойно давал себя исследовать... Так, Романов, спокойно, вдох-выдох. Надо терпеть. Как говорится, диссертация требует жертв. Остается только надеяться, что не с моей стороны.

– И что же исследует этот ваш Романов, что требует такой секретности? – генерал Куров повернулся к Резнику, напрочь игнорируя меня, словно меня здесь вообще нет и они говорят о каком-то другом Романове. Ненавижу вояк,

особенно таких вот, как этот – зацикленных на уставах и приказах. И вот как ему объяснить, чем же здесь занимается Романов, чтобы он мозг себе не свернул? Резник тем временем вздохнул.

– Мы не знаем, что это за вещество, – он поморщился, увидев презрительный взгляд генерала и услышав недоуменное ворчание его свиты. – Это нечто совершенно новое и еще не изученное... Это материя, снятые первоначальные данные с которой напоминают по свойствам антиматерию, но потом они изменились на совершенно противоположные и начали напоминать свойства экзотической материи, и это... это нечто удивительное...

– И что она делает, эта ваша антиматерия?

– Это очень сложно объяснить...

– А вы постарайтесь, – Куров прищурился. – Потому что, если я не пойму ее ценности, я буду ходатайствовать перед Самим о снижение или даже полном прекращении финансирования данного объекта. В него и так уже о...лиарды денег влили, а результатов до сих пор никаких.

– А что, на новую дачу не хватает? – мне показалось, что я проговорил это мысленно, про себя, вот только злобный взгляд генерала, брошенный в мою сторону, убедил меня, что я лох, потому что произнес эту фразу хоть и очень тихо, но вслух.

– Вот этот слишком умный Романов мне сейчас все объяснит, а уж потом мы с ним мои дачи обсудим.

Я умоляюще посмотрел на Резника, но тот только плечами слегка передернул, мол, сам виноват, теперь выкручивайся.

– Единственное, что нам удалось выяснить – объект земного происхождения, и это наиболее удивительная новость из всех, которые нам удалось с него считать. Чисто теоретически с помощью объекта мы сможем стабилизировать пространственно-временные червоточины, то есть сделать более стабильным мост Эйнштейна-Розена, и тогда появится шанс... – начал выкручиваться я, но увидел полное непонимание на лицах проверяющих, на Курова я не смотрел, чтобы не сделать еще какую-нибудь глупость. – Эм, в общем, смотрите, – я

схватил свой ежедневник и вырвал из него лист, который скрутил в трубку и быстро закрепил, чтобы концы не расходились. – Представим, что вот это наша вселенная на протяжении всей ее истории. Если вдруг случится, что появятся два каких-нибудь объекта, астрофизики называют их «рты», которые начнут давить на пространство одновременно с двух сторон, то в итоге эти стороны сблизятся друг с другом критически близко. Настолько близко, что может произойти прокол, – я сжал бумагу, показывая, насколько смогут приблизиться две точки вселенной, а затем ударил в место этого прокола ручкой. – Вот это и есть червоточина. Видите, мы можем через этот прокол попасть к тому краю практически мгновенно. Вот только они нестабильны и практически мгновенно разрушаются. Но Эйнштейн предположил, что существует некая «экзотическая материя», которая может сделать червоточину более стабильной...

– Я знаю эту теорию, – Куров ощерился. – Не считайте, что к вам прислали идиота в погонах. Вы думаете, что нашли «экзотическую материю»?

– Мы не знаем. Василий Эдуардович же только что вам это сказал, – я бросил бумагу на скамью. – Объект нестабилен. Он постоянно меняется. То он показывает все свойства вещества, то антивещества, то вообще не пойми что. У меня иногда складывается впечатление, что он может быть одновременно и «ртами», и стабилизатором моста.

– Разве такое возможно даже чисто теоретически? – Куров задумчиво провел пальцем по губам.

– В том-то и дело, что нет, – я развел руками.

– И вы считаете, что, изучив этот объект, мы сможем путешествовать во времени?

– Ну, почему бы и нет? Только зачем?

– Чтобы изменить историю, например, – генерал криво усмехнулся.

– Я считаю, что историю невозможно изменить, – твердо ответил я.

– А как же «эффект бабочки»? – в голосе Курова появилось ехидство.

– А как же принцип самосогласованности Новикова? – мы смотрели друг другу в глаза, словно больше в этой раздевалке никого кроме нас не было.

– Простите, а что это за принцип Новикова? – в наш диалог умудрилась влезть какая-то дамочка в военной форме.

– Если совсем кратко, то при перемещении в прошлое вероятность действия, изменяющего уже случившееся с путешественником событие, будет близка к нулю. То есть, что бы ты ни делал, как бы ни старался изменить прошлое, а соответственно настоящее, ты не сможешь этого сделать, потому что все твои действия уже учтены историей. Также считается, что путешественник во времени не может изменить прошлое, потому что для него оно уже произошло. Но чисто теоретически это могут сделать аборигены, если их правильно настроить и мотивировать, ведь для них будущее еще не настало. – Куров уже откровенно усмехался.

Да кто ты такой, мать твою? Ты не простой вояка, это ежу понятно. Так четко изложить одну из сложнейших теорий – это нужно постараться. У меня бы так не получилось. Я, кажется, ему завидую.

– А вы сами как считаете? – внезапно спросил я генерала.

– Я считаю, что прошлое возможно изменить, вот только оно в этот момент перестанет быть нашим прошлым, а станет прошлым в параллельной вселенной. И да, я верю в теорию мультиверсума, если вы об этом. Но мы же рассматриваем лишь теоретические вероятности, не так ли? – Мы все синхронно, как болванчики, закивали головами. – Хорошо. Я хочу видеть объект.

– Это невозможно, – осторожно высказался Резник. – Объект слишком нестабилен, и к нему нежелательно подходить никому, кроме нескольких ученых, с кем он уже как бы «знаком».

– Я не собираюсь к нему подходить, – Куров даже поморщился. – Я хочу понаблюдать за тем, как это сделает, ну, например, Романов. Это возможно?

– Да, в принципе, да, – Резник посмотрел на меня умоляюще.

Я же вздрогнул от нехорошего предчувствия. Объект не любит, когда к нему бегают туда-сюда, я не хочу рисковать. Но взгляд директора обещал мне блаженство, если я сейчас снова надену костюм и постою рядом с объектом. Кивнув, я стянул с ноги так и не завязанный кроссовок и забросил его в свой шкафчик. Директор тут же начал махать руками:

– Прошу, пройдите за мной в зону наблюдения, не будем мешать Петру Алексеевичу облачаться в защитный костюм.

Подойти к объекту было гораздо проще, чем уйти от него. Зайдя в камеру, я встал у стены, даже не делая попыток приблизиться к начавшему разворачивать свои щупальца-протуберанцы объекту, внешне напоминающему небольшое солнце, только не настолько горячее и яркое.

– Каково его происхождение? – я услышал голос Курова через канал включенной внутренней связи.

– Я же уже сказал, мы не знаем точно. Только то, что в его составе нет ни единого элемента неземного происхождения. Исходя из этого мы сделали вывод, что он все-таки с Земли, но откуда именно... Однажды он внезапно появился посреди камеры. Просто появился, без малейших посторонних действий с нашей стороны. У нас очень много теорий...

В этот момент в камере начало происходить нечто странное. Объект немного увеличился в объеме, а затем принялся стремительно сужаться прямо посередине, словно намереваясь разделиться пополам.

– О боже... – в голосе генерала появилась такая гамма различных чувств, что я даже не сумел выявить основную.

– Это одна из теорий, – Резник, похоже, не замечал, что творится в камере. – Какого черта происходит?! – О, а теперь заметил. – Романов! Петя! Выходи оттуда!

Да я и сам вижу, что пора сваливать. В громоздком костюме двигаться было очень неудобно, но я старался из-за всех сил пошевеливаться. Как только я начал движение, объект принялся стремиться к разделению гораздо быстрее. Меня охватила паника. Я что есть сил поспешил к выходу из камеры, и когда уже

практически достиг его, огромный красно-черный шар, который и был объектом, с негромким хлопком разделился надвое. От обеих половинок в разные стороны пошли флуктуации, видимые невооруженным взглядом, которые накрыли меня, отшвырнув к стене со страшной силой. Это последнее, что я видел, а пронзившая спину боль была последним, что я почувствовал.

* * *

Искореженное тело в порванном защитном костюме, бывшее совсем недавно подающим большие надежды ученым-физиком Романовым Петром Алексеевичем, бережно вынесли из камеры двое людей, облаченных в защитную одежду. Объект, который после гибели исследователя снова соединился в единое целое, неподвижно висел в стороне и не демонстрировал ни малейшей активности, но выносящие тело все равно с опаской посматривали в его сторону, стремясь как можно быстрее уйти из камеры.

– Мне жаль вашего человека, – генерал Куров смотрел на потерянного директора института Резника без малейшего сочувствия, – но работы с объектом должны быть продолжены. Я сообщу, что это направление весьма перспективно.

– Но... Петя...

– Это всего лишь побочные потери, Резник. Такое иногда случается, – резко оборвал его генерал. – Возьмите себя в руки и продолжайте исследования.

– Конечно, мы не бросим заниматься объектом, – Резник тряхнул головой. – Романов не первый ученый, погибший во имя науки, и далеко не последний.

– Ну вот и отлично, я рад, что мы поняли друг друга, – Куров потрепал директора по плечу и поспешил уйти из института, чтобы сообщить о результатах проверки.

Тяжелый, удушающий запах ладана затуманивал мозг, раздающийся со всех сторон шепот напоминал гул прибоя и вызывал неосознанную панику, а раздавшееся совсем рядом: «Миром Господу помоли-и-мся», – пропевшееся раскатистым сочным басом, чуть не довело до кондрашки, заставив содрогнуться всем телом.

Что происходит? Что, вашу мать, происходит? Я только что пытался убежать от проявившего непонятную активность объекта, а сейчас стою... где, черт подери, я стою?! На руку капнуло что-то обжигающее. Опустив глаза, увидел, что держу в руке восковую свечу и расплавленный воск капает мне на пальцы, обжигая, но, как ни странно, приводя в чувство.

«Упокой, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечного преставившуюся рабу Твою, сестру нашу Наталию...»

В груди все сжалось, а горло перехватило готовое вырваться наружу рыдание. Наташа, Наташенька, сестренка, как же так? За что ты забрал эту душу безгрешную?

Стоп. Какая Наташа? У меня нет сестры Наташи. У меня вообще нет родственников, я сирота с позапрошлого года, когда мои родители погибли в автокатастрофе. Что происхо...

– Государь, пора прощаться.

Я резко обернулся и уставился на шепчущего мне в ухо парня... мужчину... я не могу понять, какой у него возраст, потому что его рожа посыпана какой-то пудрой, а на башке нелепый парик с буклями... Что?! Какой парик с буклями?! Мой взгляд опустился ниже: длинный камзол, белые чулки, панталоны чуть ниже колен с бантами, на ногах туфли тоже с бантами... Меня объект зашвырнул на какую-то реставрацию? В музей? В мой персональный ад, где главным чертом моя историчка подвизалась? Потому что я, как и все уважающие себя физики-математики, гордо игнорировал гуманитарные науки, кроме, разумеется, иностранного языка, которых я теперь знаю аж целых три и без знания которых хрен бы мне по всей морде, а не аспирантура, и совсем не учил историю, полагая, что нам преподают лажу и что история – это псевдонаука, которую всегда пишут победители, причем так, как им это вздумается. Нет, учил, конечно, но спустя рукава, на зачет, опять-таки ради аспирантуры, наука

требует жертв, что ни говори.

– Государь, пора попрощаться. Сейчас вынос тела...

Иван Долгорукий, внезапно пронеслось в мозгу молнией. Друг сердечный Ванька, товарищ по всем проказам, как в детстве, так и в отрочестве...

Я попятился и налетел спиной на попа в рясе, стоящего так близко ко мне... А почему поп стоит так близко? Разве так можно? Они же вроде дистанцируются от прихожан, или нет? Я не знаю, я не так чтобы часто церковь посещал, точнее никогда. Поп тем временем так интенсивно размахивал кадилом, что с него искры летели в разные стороны. А еще он совершенно не ожидал такого вероломного нападения сзади. Развернувшись, чтобы посмотреть на нечестивца, который позволил себе вытворять подобное, он в этот же момент в очередной раз размахнулся кадилом... Блямс! Тяжеленная штукавина это их кадило, я вам скажу, как только в себя приду. Сведя глаза к переносице, я начал оседать на пол.

– Государю плохо! – раздалось со всех сторон. – Медикуса, живо!

– Государь умирает!

– Ой, люди добрые, что же это творится-от? Не успела Наташенька свет Алексеевна преставиться, так и государь наш Петр Алексеич за сестренкой своей...

Сознания я не потерял, но осознавал, как меня куда-то волокут, так, будто видел сон, словно со стороны, вот только себя я в этом сне не видел, только ряженных в нелепых париках. В лицо ударил холодный воздух, немного приведший меня в чувства. Резануло по глазам ярким светом, особенно ярким после полутемного помещения собора, который тут же выдавил жгучие слезы, застилающие глаза, и заставил зажмуриться. Поэтому я не видел ни куда меня везли, ни на чем. Все происходило на уровне чувств. Меня бережно подняли, уложили на что-то мягкое и закутали в одеяло, или какой-то его аналог. Судя по ощущениям, это был не автомобиль, не было ощущения замкнутого пространства и резких, присущих даже самым дорогим авто запахов. Та штукавина, на которую меня уложили, резко дернулась и покатилась, а конное ржание и немного неровный ход, рывками, не давали простора воображению, оставляя всего одну версию: то,

на чем меня везли, тащила за собой лошадь.

Очень скоро мы остановились: и лошадь, и то, на чем меня везли, ну пусть будут сани, все-таки снег, мороз, холодящий не укутанные щеки и нос, явно это зима, и, соответственно, я сам – остановились. Меня снова схватили несколько рук и снова куда-то потащили. И хотя я пришел в себя уже окончательно, только лоб сильно болел, куда меня поп благословил, но открывать глаза боялся, поэтому всю дорогу изображал из себя труп.

Пока меня тащили, создавая при этом определенную суматоху, я пытался прислушиваться, чтобы понять глубину собственного бреда, но все, в чем я преуспел, это понимание, что я государь и, похоже, умираю, а ведь буквально только что Господь забрал у них у всех Наталию Алексеевну, и что же теперь им всем делать, горемычным?

Распахнулись очередные двери, меня весьма аккуратно, надо заметить, водрузили на нечто мягкое, как я понимаю, это кровать, при этом даже не стащив с ног обувь, и опять начали голосить что-то про лекаря или медикуса, я так и не понял, чем они отличаются друг от друга. Какого на хрен лекаря? Я не позволю себя иголками тыкать, им только дай волю, сразу же поллитра крови сцедят и другие физиологические жидкости выдавят. Чтобы прекратить это безобразие, я решил приоткрыть один глаз. И сразу же наткнулся взглядом на сидящего на моей кровати Ивана Долгорукова. Это что, шутка юмора такая? Я же вроде государь, тогда почему он сидит в моем присутствии, да еще и на моей кровати! Или я государь, хм, весьма специфических нравов, настолько специфических, что мой явный фаворит может себе и не такое позволить? Нет-нет-нет, только не это. Я нормально отношусь к чужим извращениям, но ровно до того момента, пока они не коснутся непосредственно меня самого. Так что а не пойти ли тебе, Ваня, погулять?

– Не надо лекаря, и медикуса тоже не надо. Я хочу побыть один, – а голос-то у меня как ослаб и какой-то высоковатый стал. Это, наверное, от волнений и неприятностей с объектом он у меня на две октавы повысился.

– Но, государь, Петр Алексеевич... – начал был Долгорукий, но тут уж я не выдержал. Мне крайне важно понять, что происходит, а для этого мне нужно остаться одному.

– Все вон! Оставьте меня! – я вскочил на колени и указал рукой, я надеюсь, что в том направлении была все-таки дверь. – Я хочу побыть один. Мне нужно... – я лихорадочно соображал, что же мне нужно такого, что заставит их убраться, потому что, что бы ни думали о разных государях, всей полноты власти и влияния даже вот на такие моменты у них не было. Как там в популярной когда-то песенке пелось: «Все могут короли... но жениться по любви не может ни один король». Хоть и не все. Петр, который первый смог, Луи, который Четырнадцатый, тоже смог, но уже в конце жизни и тайно, но смог же! Что-то меня куда-то не туда понесло, но это понятно, стресс и все такое... Что же, что же... о, придумал. – Мне необходимо помолиться за душу Наташеньки, вымолить у нее прощение, – не знаю, насколько я донимал сестру, но прощение всегда есть за что просить, у любого члена семьи.

Я не смотрел на тех, кто находится в комнате, столпившись вокруг кровати, отметил только, что одеты они примерно как Долгорукий. Отличия были незначительные и касались прежде всего париков. Краем глаза уловил, что они молча уходят, а кто-то начал креститься и что-то бормотать себе под нос, вероятно, молитву, но иногда до меня доносилось что-то про «дедову кровь», непонятно, но это не главное, потом разберусь. Я же продолжал смотреть на Ивана. Тот в свою очередь задумчиво смотрел на меня, словно стружку снимал. Очень расчетливый взгляд. Не хочется ему оставлять меня одного в такой момент, ой как не хочется, а с другой стороны, не оставить тоже не может, не поймут-с. Наконец он принял решение. Тяжело вздохнув, Иван Долгорукий поднялся с кровати и, прежде чем уйти, очень четко проговорил:

– Ежели что, я буду тут за дверью. Зови при любой надобности, Петр Алексеевич, – поклонившись, он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я некоторое время смотрел в ту сторону, куда он ушел, а затем соскочил с постели и принялся метаться по комнате в поисках зеркала, потому что что-то мне подсказывало, что никакая это не реставрация и что я выгляжу немного не так, каким привык видеть себя в зеркале за последние двадцать шесть лет. Это было невероятно, но слишком уж правдоподобно выглядел Иван Долгорукий, чтобы сойти за реконструктора, так же как и все остальные.

Зеркало нашлось в обширной гардеробной, где вдоль стены висели километры различных камзолов, мундиров, сорочек, панталон, чулок и прочего весьма необходимого каждому уважающему себя мужчине добра. Отдельно стояли разнокалиберные туфли, многие из которых были украшены драгоценными

камнями или весьма удачной имитацией, с обязательными бантами и пряжками, и все на каблуках, иногда весьма высоких. Хорошо, что не шпильки, и то радость. Так же в ряд выстроились сапоги типа ботфорты, все вычищенные так, что в отсутствие зеркала вполне можно в них посмотреться. Ну и различные шляпы, куда же без них. Зеркало было огромное, во весь рост в резной раме, завешанное белой тряпкой. Ну конечно же, траур, такое дело, но, надеюсь, Наташенька простит своего непутевого брата, – так думал я, рывком срывая тряпку, закрывающую зеркальную поверхность.

На меня смотрел подросток лет тринадцати-пятнадцати. Высокий и нескладный, как и все подростки этого возраста, но уже с намечками на хорошую фигуру. В нелепом парике. Я стянул парик и подошел к зеркалу поближе. Темно-карие глаза, высокий лоб под длинными темно-русыми волосами, длинный нос, чуть заостренный подбородок – это лицо к тому времени, как парень достигнет зрелости, еще несколько раз может поменяться. Но не урод, однозначно. Почему я думал, что старше? Ну конечно, я старше, мне двадцать шесть лет... Нет, мне тринадцать... И я...

Я схватился за голову, которую словно начало рвать на части. Кто я?! Я – Романов Петр Алексеевич. С этим согласились оба моих альтер эго. Виски снова прострелила боль, и я, задыхаясь, упал на пол, между туфлями и ботфортами, сжимаясь в комок и с трудом сдерживая рыдания.

Боль отступила внезапно, так же, как и пришла, но я все еще лежал на полу и боялся пошевелиться. Боялся, что она вернется, заставляя корчиться на полу, не в состоянии даже позвать на помощь. Наконец, перевернувшись на спину, я начал рассуждать более рационально. Точнее, словно на мгновение раздвоившееся сознание стало единым, это хорошо, значит, это не шиза. Одновременно с этим пришло полное понимание того, что произошло и что со мной сотворил гребаный объект. Итак, я Романов Петр Алексеевич, двадцати шести лет от роду, попал в Романова Петра Алексеевича, тринадцати лет от роду. Я помню некоторые вещи, которые знал он, но это больше похоже на последствие, остаточное затухающее эхо совсем недавно функционирующих электрических потенциалов, так что долго надеяться на эту память не следует. Нужно, пока это возможно, «вспомнить» как можно больше, чтобы избежать ненужных вопросов.

Шокирован ли я? Признаться, очень. Но мы так часто рассуждали на эту тему, так часто строили предположения, что это возможно, или будет возможно, как

только объект раскроет перед нами хотя бы частичку своих тайн, что я уже даже представлял себя не раз в подобном положении. Ведь во время экспериментов могло произойти всякое, что, собственно, и произошло, а так как я был ведущим специалистом, исследующим объект, то в очереди на его воздействие, каким бы оно в итоге ни оказалось, стоял под номером один. Что опять-таки и случилось. Конечно, я не думал о плохом, работа меня захватила с головой, но исключать все возможности я, естественно, не мог. Так что я не могу сказать, будто такое положение дел убило меня наповал, нет. Вот только, судя по всему, по червоточине перенеслось только мое сознание, в виде... ну не знаю, электромагнитного импульса, я не изучал подобных перспектив, который, попав в моего полного тезку, как самого близкого по определённым параметрам донора, напрочь выжег этого самого тезку из реальности, оставив лишь быстро затухающее эхо от его пребывания в этом теле. А что в таком случае произошло с моим телом? Не знаю, и на данном этапе знать не хочу. Это не критичная величина, во всяком случае пока. Я же не могу быстренько изобрести и каким-то образом сотворить объект, который бы перенес меня обратно. Так что пути назад для меня нет, даже чисто теоретически. Печально, но ничего не поделаешь.

И что же мне делать? А что я могу сделать? Только жить. Потому что существует принцип самосогласованности Новикова, который невозможно не учитывать, особенно в моей ситуации.

Я поднялся с пола и еще раз посмотрел на себя в зеркало. Ну что, пацан, будем эпатировать публику, отказавшись носить эти блохогенераторы? Я повертел в руке парик. Будем, но не сейчас. Сейчас мне главное понять, кто я такой, чтобы хотя бы примерно представлять, что ждет меня в этом новом для меня будущем.

Как бы плохо я ни знал историю, знал я ее достаточно для того, чтобы точно сказать: Романовых Петров Алексеевичей на престоле Российской империи было двое, и у каждого из них была сестра Наталия. Я бы расхохотался, не будь все так непросто на самом деле. Итак, первый Петр Алексеевич не подходит, потому что в столь юном возрасте не носил париков и не слишком любил Долгоруковых, которые были всю жизнь в контрах с его дружкой сердешным Александром Данилычем, а Иван, великовозрастный друган, как раз Долгорукий и есть. Самый что ни на есть князь, надо же. Значит, остается только внук первого Петра, Петр Второй Алексеевич. Что я о нем помню? Да ни хрена я о нем не помню, потому что подросток на престоле – это всегда мощно. Балы, охота, бабы, кони... Что там еще? Помню, читал забавную книжечку про то, что это самый Петручио, в

тело которого вбило мои электроны, в свои неполные пятнадцать успел попробовать все, что может предоставить жизнь: вино рекой, неразборчивые связи, травка... нет, последнее не из этой оперы, но трубку он курил, как паровоз. Он, кажется, даже в собственную тетку был влюблен со всем пылом своих пубертатных, наполненных гормонами, годов. Интересно, а там что-то было? Нет, не помню. Что еще? Еще был Верховный тайный совет, все те же Долгорукие и отправление Меншикова в Сибирь. Вот вроде бы и все. Ах да, этот самый Петр Второй совсем ненадолго пережил свою сестру Наталью, которую сегодня хоронили. Он, то есть я, умрет через год от оспы, если я ничего не предприму. А что бы я ни предпринял, это уже учтено историей! Принцип самосогласованности Новикова, чтоб его! Значит, мне остался год, всего год!

Тут я не выдержал и все же расхохотался. Я хохотал и хохотал, пока не понял, что рыдаю навзрыд, уткнувшись в подушку, на которую упал, даже не осознавая, что делаю. Это просто истерика, обычная банальная истерика, которая скоро должна пройти. Наверное. Я, во всяком случае, на это очень сильно надеюсь. Но она не проходила, и рыдания продолжались перемежаться с хохотом, и от бессилия я бил кулаком подушку и пытался понять, что же мне сделать, чтобы изменить историю хотя бы в самой малости – не сдохнуть через год от черной оспы! Прививки еще не придумали, и эта зараза выкашивала население, собирая очень большие жатвы. А еще, как показала практика, она не щадила никого – вон целый император от нее скоро окочурится. Когда там Дженнер свои исследования опубликует? Слишком поздно для меня он их опубликует. Что же делать? Что мне делать?! Почему именно со мной сработал объект? Я не просил об этом и не хотел, я не хотел! Почему именно сюда и именно в этого мальчишку, которому жить осталось год? Постепенно рыдания начали стихать, пока не перешли во всхлипывания. Ну ничего, я же еще жив? Значит, поборемся.

Найдя за занавеской таз и стоящий тут же кувшин с водой, я умылся, отыскал в секрете писчие принадлежности и принялся тщательно вспоминать, что же случится за следующий год и на что я смогу повлиять, чтобы переломить этот чертов принцип. Может быть, если мне удастся сделать это раньше, то история, дойдя до развилки, свернет в другую сторону? Да, появится альтернативная версия развития этого мира, потому что в моей истории Петр Второй умрет в январе 1730 года, и этого не изменить. Ну и что? Меня это вообще должно волновать? Я жить хочу, между прочим. А жить и здесь можно, и к ночным вазам привыкну, не к такому привыкал.

Итак, 1729 год. Чем он примечателен? Да ничем он не примечателен. Вообще инертный год. Из того, что помню: Меншиков умрет, ну и хрен с ним. Петр зарубит идею о строительстве кораблей и модернизации армии, вот это можно попробовать остановить, но такие дела за один год не делаются, хотя попробовать можно. Так, пункт номер раз: я поставил на бумаге единицу и кляксу вместо точки. Выругавшись, достал новый лист, потому что пятно уже заняло почти половину листа. На новом листе единицу выводил тщательно и аккуратно. Затем написал «армия», а за цифрой два шло слово «флот». Но на любые подобные начинания нужны деньги, значит, под цифрой три – бюджет. Так, что еще? А еще была помолвка с Екатериной Долгорукой. Вот этот финт точно нужно остановить. И под цифрой четыре появилось имя княжны. Я помню об этом потому, что княжна каких-то пары дней не дождалась, чтобы стать императрицей. Об этом я тоже когда-то читал. На этом мои знания того, что будет, иссякли. Еще раз посмотрев на список, я скатал его в трубочку и сунул в секретер.

Дверь отворилась, и без стука вошел Иван Долгорукий.

– Государь, я хотел бы предложить вам посетить...

– Нет, – я покачал головой. Мне нужно время, чтобы освоиться. Подучить язык со всеми его старинными наворотами, покопаться в библиотеке. – Я объявляю траур по Наташеньке и собираюсь провести его в молитвах и покаянии.

– Но...

– Никаких «но», Ваня. Или ты хочешь оскорбить память великой княжны? – я, прищурившись, посмотрел на него. Это был вопрос-ловушка, один их тех, на который невозможно ответить отрицательно. И Иван ответил именно так, как от него требовалось.

– Ты прав, Петр Алексеевич, это я, дурень, только о твоём спокойствии думал, а об упокоении души Наталии Алексеевны и позабыл, – он наклонил голову, показывая, как сильно раскаивается. – Хоть ближников своих прими, которые за тебя радеют и днём, и ночью.

– И кто же так сильно ратует, что рискует нарушить прямое царское указание?

Говорить было трудно. Я понимал, что не попадаю ни в ритмику плавной тягучей речи, и постоянно пытаюсь вставить современные мне словечки. Поэтому приходилось за каждым словом следить, чтобы не сболтнуть лишнего.

– Елизавета Петровна из церкви прилетела, голубка, только увидела, как тебя сморило прямо перед гробом Наталии Алексеевны. Едва дождалась, когда служба закончится, чтобы о здоровье твоём все разузнать.

– Ну раз прилетела, то пущай войдет.

Дверь закрылась, и дальше я действовал скорее по наитию: сбросил сапоги, камзол прямо на пол, нырнул под одеяло и картинно приложил к голове руку.

Елизавета вошла стремительно, словно и правда летела, ловко поворачиваясь боком, чтобы не зацепиться фижмами своей пышной юбки за дверной косяк. И хоть платье ее было черного цвета, обильно украшенное жемчугом, но кружевной платок лежал у нее на плечах, а не покрывал голову, как это было положено в дни глубокого траура. Была ли она так красива, как ее описывали в своих мемуарах современники? Скорее всего, да. Но эта красота была другой, не той, к которой я привык, и потому несколько чуждая для меня. И уж тем более я не хотел ее, как, возможно, хотел Петр.

Я ведь специально ее допустил к себе, чтобы проверить реакцию собственного тела на присутствие женщины, будоражащей воображение Петра по всем когда-либо попадавшимся мне на глаза источникам.

Тем временем Елизавета подошла к кровати и села на ее край. Я невольно нахмурился, что за привычка садиться ко мне на постель? Неужели Петр это допускал и поощрял?

– Петрушенька, как же так, что за хворь на тебя напала? – она протянула руку в кружевной перчатке и дотронулась до лба. При этом наклонилась так, чтобы ее весьма обширное декольте оказалось едва ли не у меня перед носом. Хм, а ничего так, я скосил глаза, куда надо, и Елизавета, оставшись довольной моей реакцией, выпрямилась. – Я немедленно прикажу доставить сюда Лестока. Нельзя так не жалеючи относиться к себе, – она покачала головой. – Ты ведь перед всей Отчизной в ответе, не приведи Господи, осиротеет она без тебя.

Ну да, ну да, конечно, я верю, только лапшу с ушей сниму, но вслух я прошептал:

– Да, Лизонька, только ты меня понимаешь. Не нужно медикусов, это я от волнения сильного духа лишился, но мне уже лучше. Только не покидает ощущение, что Наташенька смотрит на меня с небес и только головой качает, что стыдно ей перед ангелами за Петрушку, брата своего беспутного. Вот, думаю, что в уединении и в молитвах покаяние вымолить, а там, может, и сжалится сестренка надо мною, подскажет, как дальше жить мне теперь.

– Ты на богомолье, что ли, собрался? По святым местам? Зимой? – Лиза впервые выглядела искренней. Как ни хотелось ей корону Российской империи на себя примерить, а понимала она, что пока ей выгодно, чтобы обожающий ее Петр жив был и относительно здоров, потому что после его смерти никто не знает, как может повернуться и в какую сторону. Верховный тайный совет имеет реальную власть, а за нее в нем только, пожалуй, Голицын. Остальные на себя начнут одеяло тянуть, что и закончится воцарением Анны Иоанновны. – Нет, ты как хочешь, Петруша, но я пришлю Лестока, попользовать тебя. Чтобы, ни приведи Господи, какую-нибудь тайную болезнь не пропустить. А то, как ты в церкви упал, живо мне батюшку напомнило. А ты весьма с ним схож, вон, даже иноземные послы об этом талдычат. Может, и хворь его тебе передалась.

А, точно, вроде бы согласно некоторым источникам, Петр Первый страдал эпилепсией, или падучей, как ее тогда называли. Вполне возможно, что болезнь перешла на его внука. Такие случаи известны. Ну, Лесток так Лесток. Надо же посмотреть на нежного друга Лизки, который довольно долго фактически правил через постель, если верить злым языкам.

– Хорошо, Лизонька, только ты и печешься о моем здоровье, – я отнял руку ото лба. – Извини, родная, но устал я. Поди, позови Лестока, а то мне и впрямь нездоровится.

Если она и хотела посидеть с больным императором подольше, то ни по ее поспешному уходу, ни по выражению лица заметно этого не было. Ясно, моя болезнь – это повод для многих засвидетельствовать свое почтение и что-нибудь провернуть походя, не без этого. Но император я или не император? Хватит на сегодня посетителей.

– Иван! – заорал я, не найдя на прикроватном столике пресловутого колокольчика, в который необходимо было звонить, чтобы хоть кто-то потруился выяснить, что же надобно государю-императору.

Дверь тут же распахнулась, и в комнату влетел Долгорукий.

– Ну наконец-то. Я уже думал, что могу и помереть, вот так всеми брошенный, и найдут мое тело остывшее, только когда вонять начнет.

Долгорукий побагровел от несправедливого упрека, но сдержался и ничего не ответил. Похоже, вспыльчивому Ваньке хвоста родитель его накрутил. Раз удалил из спальни, когда плохо себя чувствовал, значит, недоволен, а там и до опалы недалеко. Вот и сидит возле дверей, спальню караулит, вместо того чтобы гулять и развлекаться, как привык.

– Я чем-то прогневал тебя, Петр Алексеевич? – Ого, а обида в голосе все равно нешуточная звучит. Но ничего, тебе полезно понервничать. А ведь видно, что действительно переживает за своего малолетнего патрона. Один, наверное, кто искренне беспокоится. Ну, тут тоже все понятно, Долгорукие без Петра – вообще никто, пережуют их и не поморщатся, есть за что переживать-то.

– Извини, Ваня, что сорвался на тебя, – я покачал головой. – Только нехорошо мне действительно. Может, Лиза права, и хворь дедова мне перешла?

– Да что ты такое говоришь, Петр Алексеевич? Пошто на себя наговариваешь?

– Вот поэтому и прошу, Ваня, надежного человека у дверей поставить и никого без моего на то указа не пущать. Только Лестока пропустить, его ко мне Лиза должна пригнать. Пусть медикус меня попользует, – я запнулся на этом слове, которое в мое время приобрело не совсем приличный оттенок, но затем решительно добавил: – И еще, Ваня, тебе самому незачем здесь дневать и ночевать. Ежели понадобится, я пошлю за тобой.

Долгорукий снова пристально посмотрел на меня. Сейчас было отчетливо видно, что и остаться ему вроде бы надобно, и погулять хочется, я-то выгляжу вполне здоровым, вроде бы откинуть тапки в ближайшее время не собираюсь... Эти муки выбора были написаны на его породистом лице большими буквами. И, наконец, победила гульба.

– Воля твоя, Петр Алексеевич, я же, как раб верный, все исполню, как велено, – и он вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я же соскочил с кровати и расстегнул пару верхних пуговиц на рубахе.

Было душно, и от духоты да от перенесенной недавно истерики начала болеть голова. Болела она не так, как в то время, когда я катался по полу, стеная от невыносимой боли, но довольно ощутимо, чтобы доставить определенный дискомфорт. Подойдя к окну, решительно его распахнул, впуская в комнату холодный зимний воздух. Сам встал недалеко от окна, чтобы ветром меня не слишком задевало – не хватало еще простудиться. Как тут лечат, лучше сразу идти и самому могилку себе выкапывать. Порыв ветра всколыхнул штору и обдал меня холодом. Обхватив себя руками за плечи, я поежился, но в голове заметно прояснилось, хотя меня начинала подбешивать тормознутость мозговых процессов юного императора. Я-то привык думать совсем с другими скоростями. Петр же, похоже, не привык думать вообще. Но он же император, мать его ети! Так же нельзя...

– Что вы делать, ваше величество?!

Я резко обернулся и посмотрел на высокого, довольно плотного господина, одетого по последней моде, в высоком парике. Глядя на его парик, я почувствовал, что меня начинает подташнивать от этого предмета. Судя по акценту, господин явно иностранец, а ожидаю я прибытия только одного иностранца – Лестока. Ну, здравствуй, шпион Шетарди. Или сейчас во франкском посольстве не Шетарди сидит? Как же плохо быть не в теме. Но господин Лесток ждет от меня ответа.

– Проветриваю комнату, господин медикус, а на что это еще похоже? – я кивнул на раскрытое окно.

– Зачем? Ви же нагонять много болезней через этот жуткий мороз.

Он действительно выглядел растерянным. Не привык бедняга к шизующим императорам. Ничего, или привыкнешь, или домой поедешь, вместе с Шетарди, или кто там в посольстве сейчас рулит, ну, или вместе с Шетарди на охоту пойдете на медведя с одними рогатинами, а там как знать, охота опасная,

может и трагично закончиться, но с кем не бывает? А так как Франции ссориться с набирающей силу после победы деда над шведами Россией не с руки, они быстро утрутся и найдут вам замену. Свято место, как известно, пусто не бывает, а вы не настолько большие шишки, чтобы ради вас рисковать испортить отношения. В это время войны и из-за меньшего случались, чем необоснованная предьява. Я, что ли, всех медведей у себя контролировать должен?

– У меня сильно заболела голова после приступа, а холодный воздух отпугнул боль, – совершенно искренне я попытался объяснить ему, зачем мне понадобилось выстужать комнату. – Здесь очень душно, наверное, истопники сегодня перестарались.

– Это недопустимо, ваше величестфо, – Лесток прошел через комнату мимо меня и решительно захлопнул окно. – Это антинаучно!

Ну конечно, наука прежде всего. Это я могу понять, я жизнью ради науки пожертвовал, вот только не в ваших устах, господин хороший. Я отвернулся и подошел к кровати. Подобрал с пола камзол, набросил его себе на плечи. Лесток же тем временем, проверив, насколько тщательно закрыто окно, подошел ко мне.

– Ваше ввеличестфо, расскажите, что с вами произошло? – он очень хорошо говорил по-русски, вот этого у него было не отнять. Я покосился на лейб-медика Елизаветы и промолчал. – Ваше величестфо, не будьте ребенком. Ее высочестфо очень переживает. Боится, как бы в вас болезнь Петра Алексеевича не проснулась.

– Я почувствовал головокружение в церкви и впал в беспамятство. Но там было слишком людно и слишком пахло ладаном и горелым воском. Меня не била падучая, если ты об этом спрашиваешь. Так что царевна Елизавета зря волнуется. Я много думаю о Наталии, сестре моей бедной, и мне плохо через это. Но это пройдет, – я махнул рукой. – Отмолю прощение у сестренки, и точно все пройдет.

– Хм, – Лесток подошел еще ближе и бесцеремонно схватил меня за руку. Нащупав пульс, он на минуту закатил глаза к потолку. – Покажите мне свой язык, ваше величестфо.

– А-а-а, – я послушно показал ему язык. Лесток покивал с важным видом, отпустил руку.

– Ну что же. Я не вижу в вас признаков болезней, вы на редкость здоровый молодой господин, государь. – Он что-то прикинул и с некоторым сомнением произнес: – Может, кровопускание? Чтобы дурную кровь отвести?

– Нет, – я решительно покачал головой. – Не нужно мне кровь пускать, все же нор мально.

– Как будет приказано вашим величеством, – Лесток изобразил сложный поклон и попятился к двери. – Но окно я вам как лейб-медик отворять запрещаю.

– Конечно-конечно, все будет исполнено, как доктор прописал, – я благосклонно ему улыбнулся, но как только дверь за пронырливым французом закрылась, улыбка сползла с моего лица.

Я подошел к окну и снова распахнул его настежь, а сам сел за стол и принялся выводить письмо Голицыну, с просьбой прислать мне полный отчет, по поводу царской казны. Чтобы попытаться изменить пункты в моем списке под номером один и два, необходимы деньги, очень много денег, а что-то мне говорит, что денег в казне нет вообще.

Глава 2

Первым указом, написанным с моих слов и подписанным собственноручно, стал указ о соблюдении глубокого траура по великой княжне Наталии Алексеевне в течение месяца. На это время были запрещены все увеселительные мероприятия, такие как народные гуляния, для простого народа, и разные балы и ассамблеи для господ побогаче и познатнее. Указ вызвал определенное недовольство среди аристократии, а простому люду было пофиг. Понятия не имею, был ли такой указ в действительности Петра II. Даже если и не было, история проглотила этот финт не поморщившись, потому что он ни на что на самом деле не влиял. К тому же двор очень быстро нашел себе альтернативу, многие начали устраивать званые обеды, плавно переходящие в нечто,

напоминающее литературные вечера – когда под предлогом почитать вслух свои, в большинстве случаев дурные стихи все любители поразвлечься собирались у кого-то одного, дабы послушать эти шедевры. Ну а что, все приличия были как бы соблюдены: гости одеты были в темное, музыки, танцев и большого количества спиртного не было, какие претензии? Вот только с удвоенной силой стал звучать шепоток, что я-де ненавижу все начинания деда и пытаюсь загубить их на корню. Услышав это, я долго сидел в прострации – это было, черт возьми! Все, что известно о Петре Втором – он всячески пытался искоренить начинания Петра Первого. А ведь я пальцем для этого не пошевелил, всего-то обеспечил себе видимость уединения, чтобы в тишине и спокойствии разобраться в моем не слишком радужном положении. И так Ванька Долгорукий начал выражать сомнения по поводу моего нежелания кутить. Как оказалось, эти опе... очень нехорошие люди имели привычку завалиться с парочкой преображенцев к кому-нибудь, якобы в гости. Там они гуляли по полной, оставляя за собой кроме разломанной мебели еще и очень недовольных царем и его ближниками подданных. Растить недовольство я не мог, поэтому через неделю моего добровольного заточения родился очередной указ.

Согласно этому указу, император, то есть я, собственной персоной, дабы не смущать своим присутствием двор во время траура, удалялся в деревню, в дальнее имение, чтобы провести время в молитвах, чтобы заглушить горе от потери любимой сестры. От поездки на богомолье по святым местам меня отговорили, потому что действительно зима, и кто знает, что во время долгой поездки со мной могло произойти. В моей поездке меня должен будет сопровождать только Остерман, чтобы не прерывать обучение, хотя все прекрасно знали, как именно учится император и чему именно обучает Остерман. Но так значилось в указе, который Верховный тайный совет проглотил, даже не поморщившись. Им вообще было наплевать, где в данный момент я нахожусь, лишь бы был жив и мог подписать подсовываемые тем же Остерманом документы. Сам же Андрей Иванович расположением Совета не слишком пользовался, к нему относились скорее настороженно, потому что все помнили, кто именно способствовал падению с небывалых высот Меншикова. Так что моя поездка, да еще и со старым лисом – это же просто праздник какой-то. А нет меня поблизости, так не беда, вон Ванька Долгорукий прекрасно мою подпись умеет изображать, не подкопаешься. На особо важных документах подделку ставить поостерегутся, а вот на не слишком важных – это запросто, не раз уже такое проворачивали, почему бы и не повторить пару разков?

«В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»... Нет, в Саратов я, разумеется, не поехал, а вот то, что к тетке – так это прямо не в бровь, а в глаз оказалось.

Деревней, в которую я подался, было Царское Село, которое все еще по старинке называлось Сарской мызой, и принадлежало оно Елизавете Петровне. Встречаться с Лизой мне не хотелось, хватило тех двух с половиной раз, во время которых она проверяла, насколько еще натянут поводок, постоянно то демонстрируя свои прелести, такой глубокий реверанс мало кто мог изобразить, зато я смог увидеть все, что находится у нее в платье, вплоть до талии, то как бы невзначай прижималась ко мне грудью, что-то говоря при этом томным шепотом с легкой хрипотцой. Если честно, то иногда меня даже понимало, как говорится. Я все положенные полчаса наших встреч тупо пялился на нее телячьими глазами, только что слюни не пускал, а потом, чтобы привести мысли в порядок, долго держал голову в холодной воде, постоянно гадая: эта дрянь все-таки совратила своего малолетнего племянника или все-таки нет? Ко мне пару раз еще наведывался Лесток, через которого я и намекнул, что двора в имени Лизы не будет и Петр едет туда практически в одиночестве. Сказано это было вскользь, для того чтобы он передал эту последнюю сплетню царевне. Лесток меня не подвел, молодец! Все было передано Елизавете в течение ближайшего часа, после того как он от меня ушел. Она-то уже приготовилась принимать императора и организовывать всевозможные увеселения, ну не мог я в ее понимании столько времени отказываться от привычных для Петра кутежей и обязательной охоты, сколько бы трауров ни было объявлено. Так что, как только огласили указ, Лиза расцвела и даже принялась узнавать, кто именно составит императору компанию, кроме нее самой, разумеется, короче, раскатала губу, но обломилась, как и все остальные жаждущие оказаться рядом с юным царем в такое удобное, как им казалось, время. Передумала Лиза ехать в родное имение раньше, чем туда отбыл горевать я, потому что черное ей не шло, и надевать глубокий траур даже ради «любимого» племянника она вовсе не собиралась.

Вообще за ту неделю, что я прятался от всех в Кремле, мне удалось выяснить потрясающую в своей охренительности новость – я единственный Романов, самый что ни на есть настоящий, оставшийся в живых. Других не было. Лизка – даже не в законном браке была рождена, Петр уже после ее рождения на своей «прачке чухонской» женился, разведясь предварительно с моей бабкой, а розовощекий карапуз, портретиком которого мне нужно было положенное время восхищаться – Карл Петер Ульрих, тот, который должен будет стать следующим Петром, Третьим то есть, носил непроизносимую фамилию Гольштейн-Готторпский. Признаться, об этом факте я не знал и глубоко задумался на тему, а когда действительно прервался род Романовых? А получается, что на мне он и прервется, если я не придумаю, как обойти принцип Новикова, который действовал вопреки всему, что я пытался организовать, делая пока только

робкие попытки хоть что-то изменить.

Обо всем этом я думал, пока ехал в Царское Село. Дорога была долгой, потому что прямую дорогу, которую начал строить Петр Первый, по какой-то, видимо, очень важной причине делать прекратили, и мне оставался только кружной путь мимо Великого Новгорода. Что существенно увеличивало время в пути. Оно и так занимало несколько дней, а так увеличивалось до недели – это в том случае, если дороги были хорошими и ничего путешественников на этих дорогах не тормозило. Вот! Вот чем я займусь первоначально – дорогами. Если выживу, естественно. Потому что поступление информации вовремя и в кратчайшие сроки от точки А в точку Б – это порой играет первоочередную роль в любом начинании. Откинувшись на спинку сиденья, я прикрыл глаза и, чтобы хоть чем-то заняться, начал вспоминать все, что помнил о строительстве дорог. Предмет не был для меня профилирующим, но какие-то знания все равно осели глубоко на дне памяти. Еще бы каким-то способом почту национализировать, а то мысль о том, что она полностью принадлежит немцам, была какой-то... неправильной, что ли. Вот так и происходят революции – с захвата почты, телеграфа и телефона – с такими бессвязными мыслями, крутящимися в голове, я начинал дремать, усыпляемый мерным покачиванием кареты.

Карета стояла на полозьях, эдакие сани с крышей, богатым убранством и печкой внутри. Seriously, в карете стояла печка, чем-то напоминающая буржуйку. За ней нужно было постоянно следить, чтобы она не опрокинулась и не сожгла пассажиров к чертям собачьим. Для этого в карете, кроме меня самого и Остермана, постоянно находился специальный мальчишка, следящий за печью, ну и выполняющий мелкие поручения высокопоставленных особ, не без этого.

Со мной ехали две роты гвардейцев Преображенского полка, несколько слуг и Остерман, да еще духовник, приставленный Феофаном к моей персоне. Ну, не могу же я без духовника молиться, на самом-то деле. Вообще-то еще как могу, и первая моя победа заключалась именно в том, что я отстаивал свою независимость в уединении. То, что на улице стояла зима, помогло мне в этом, прямо скажем, нелегком деле. Наличие специального мальчишки в карете исключало возможность ехать в ней еще и духовника. Ну не влезал он, что теперь поделывать? Не Остермана же на улицу выбрасывать. Вот это точно будет не слишком здравой идеей. Андрей Иванович при желании мог испортить жизнь не только Меншикову, но и мне самому, а я пока не обладал вообще почти никакой властью, чтобы противостоять хоть кому-нибудь из Верховного тайного совета. Пока только можно было лавировать. Потому что тут и Лизка хвостом метет, и

Петер Ульрих где-то подрастает, претендентов хватает, чтобы ранний апоплексический удар государю табакеркой организовать. К тому же преображенцы практически полностью подчинены Долгоруким. И как мне их безболезненно отделить друг от друга, я пока даже не представляю. Поэтому я банально сбежал, чтобы не наворотить дел и не сократить и так слишком малый отмеренный мне срок, потому что вот так менять историю как-то не слишком хочется.

Чем же я собирался заниматься в Царском Селе на самом деле? Не оплакивать Наталью, это точно. Возможно, для Петра II она значила много, не даром же никто особо не удивился этому отъезду, но я эту девочку не знал, и, хотя и сожалел о ее такой ранней смерти, но предаваться унынию не собирался. Мне бы за ней вскорости не отправиться, вот о чем я думал в первую очередь. Так что цели моего отъезда были не настолько благими, но какие-то цели, кроме банального бегства, я все же преследовал. Во-первых, мне необходимо было дистанцироваться от Ивана Долгорукова, пока под таким вот надуманным предлогом, а дальше будем посмотреть. А во-вторых, мне нужно было научиться разговаривать. Да-да, русский язык вроде бы мой родной, но не слишком-то мне давался. Он был тяжеловесным, изобилующим различными выражениями, которые я лично считал лишними и которые вполне можно было опустить, но вот только опускать их категорически не рекомендовалось. И хорошо еще, что приходилось учиться говорить именно по-русски. Ведь спустя совсем немногим более полувека аристократы вообще перестанут изъясняться на родном языке, ну это понятно, больше бы правителей было на российском престоле с непроизносимыми немецкими фамилиями, глядишь, вообще бы Россией называться перестали бы. Так что, Петр Романов, лучше помолчи и поблагодари объект за то, что не закинул тебя куда-нибудь, где твои знания технических иностранных ну очень сильно быгодились. Остермана же я взял с собой именно потому, что Андрей Иванович, в связи со своим происхождением, отвратительно изъяснялся на великом и могучем и вряд ли мог ткнуть пальцем в меня и завопить: «А царь-то у нас не настоящий!»

Правда, Остерман попробовал сказать больным, как только до него донесли текст указа, уж не помню, что у него обострилось: подагра или мигрень, но я с грустной улыбкой, я ее полдня репетировал перед зеркалом, сказал своему тогда еще официальному наставнику, что прикажу перевозить его на носилках и буду собственноручно ухаживать за больным другом, только бы он не бросал меня в минуту трудную, во время скорби безмерной по сестрице Наташеньке. Андрей Иванович выздоровел после этого не мгновенно, конечно же, но уже на третий день, когда мы садились в карету, он передвигался хоть и с помощью

трости, но вполне самостоятельно, отвергнув идею перетаскивать его как бревно на носилках.

В общем, десятого декабря 1728 года императорский поезд, пораженный воображением своей скудностью, весь увитый траурными черными лентами, тронулся из Москвы, которая к тому времени уже практически снова становилась столицей Российской империи, в Царское Село, что раскинулось под славным деяниями деда Петербургом.

Дорога заняла без малого восемь дней, и это с учетом того, что ехали мы зимой и снег закрыл все основные прелести проселочной дороги этого нелегкого времени. Полозья императорских саней скользили легко, а лошадей мне предоставляли по первому свистку и только самых лучших. Вот только время дневное было зимой весьма ограничено, хоть я и настаивал на том, чтобы начинать двигаться еще до того, как полностью рассветет, и останавливаться на ночлег, уже когда на небе начинала светить луна, декабрь все равно сильно повлиял на продолжительность движения, увеличив и без того длинную дорогу.

И все же, несмотря на определенные трудности, мы, наверное, смогли бы доехать и быстрее, но, когда уже подъезжали к Великому Новгороду, налетела пурга. Уже к двум часам дня ветер усилился настолько, что не было ничего видно в пределах пяти шагов. Я с тревогой смотрел в окно, но сам не решался остановить наш поезд, полагая, что те люди, которые меня везут и охраняют, знают, что они делают.

Карета остановилась. Дверь распахнулась, в ее натопленное, жаркое нутро ворвался колющий холодный ветер. Сквозь пелену разыгравшейся не на шутку метели проступил силуэт офицера, с трудом удерживающего шляпу на голове, которую так и норовил с него сорвать, подхватить и унести в неведомые дали завывающий диким зверем ветер.

Нужно форму менять, а то у меня так полармии сдохнет от банальной простуды, в угоду моде и красоте. И в первую очередь эти идиотские треуголки убрать и заменить нормальными шапками, – промелькнувшая в голове мысль засела в ней занозой и постоянно напоминала о себе все то время, пока я разглядывал борющегося с ветром офицера.

– Камер-юнкер Высочайшего двора граф Бутурлин, – проорал офицер, пытаясь перекричать ветер. – Государь Петр Алексеевич, необходимо остановиться, пока буря не утихнет! А то лошадей погубим и сами сгинем, весной поди косточки наши и найдут оттаявшие.

– Где? – мне тоже пришлось кричать ему в ответ. – В чистом поле?

– Здесь недалеко мое отческое имение расположено, даже не надо Новгород проезжать. Христом богом прошу, государь Петр Алексеевич, принять мое гостеприимство и переждать непогоду под сенью моего отчего дома!

– Как далеко имение?!

– Пара верст, государь! Прорвемся. Я покажу дорогу, не извольте сомневаться! Еще совсем пацаненком был, когда здесь всю округу облазал, не заплутаю, вот вам крест!

Ветер все нарастал, и я услышал, или мне почудилось, что где-то там невдалеке к вою метели присоединился слаженный волчий вой. Решение нужно было принимать немедленно. Но Бутурлин... Снова раздался волчий вой, теперь уже отчетливо слышимый, который стал значительно ближе. Черт с ним, я вроде пока рассориться с камер-юнкером не успел, не держит пока Александр Борисович Бутурлин на меня зла. А он уже с трудом удерживал тяжелую дверь кареты, которую пытался вырвать у него из рук ветер. А ведь еще и шляпу приходилось держать.

– Поворачивай! – закричал я.

И Бутурлин, кивком головы дав понять, что понял, навалился все весом на дверь кареты, пытаясь ее закрыть. Наконец ему это удалось, и карета принялась разворачиваться.

Лошади хрипели, с трудом пытаясь сопротивляться сбивающему их с ног ветру. Но мне-то еще куда ни шло, в мой возок запряжена шестерка, вшестером они справятся, а вот каково сейчас всадникам? Карета наклонилась так, что я едва не завалился на бок. Остерман же завалился и, грязно ругаясь по-немецки, пытался принять достойное положение, одновременно поправляя съехавший набок парик. Молодой парнишка, не старше меня, кинулся к печи, к которой был

специально приставлен, чтобы не дать ей опрокинуться.

– Куда прешь, хочешь обгореть?

В карете можно было не орать, все и так было слышно, но мальчишка вздрогнул и уставился на меня выпуклыми голубыми глазами. Похоже, не часто высокородные господа обращали на него внимание, считая чем-то вроде мебели, а уж сам государь император и вовсе впервые обратил на него внимание. Только вот, вместо того чтобы обрадоваться высочайшему вниманию, мальчишка почему-то испугался.

– Так ведь я не хваталками же поспособствую, государь, – пролепетал он и показал большую увесистую кочергу, которую все это время держал за спиной. Этой цельнометаллической огромной хреновиной вполне можно было кого-нибудь убить, ну, или поддержать небольшую печку, чтобы она не завалилась на пол, выплеснув при этом из себя полыхающие жаром угли, и не сожгла карету изнутри.

– Ты куда смотреть, холоп? – тут же отреагировал Остерман, заметив, что он, приоткрыв рот, во все глаза смотрит на меня, и даже замахнулся тростью на непочтительного мальчишку, осмелившегося рот при мне открыть. Мальчишка привычным жестом втянул голову в плечи, и почему-то мне это сильно не понравилось.

– Ну что ты, Андрей Иванович, – я перехватил его руку с тростью и кротко улыбнулся.

Остерман встрепенулся и подобострастно попытался раскланяться со мной в пределах довольно вместительной, но все же кареты. Я только покачал головой.

– Негоже срывать гнев на тварях, не могущих ответить, – я снова кротко улыбнулся, про себя думая о том, что вооруженный здоровенной кочергой парнишка еще как мог бы ответить, если бы не привитая с детства покорность вышестоящим. – Сестрица моя Наталия не одобрила бы, – я отпустил его руку и снова повернулся к съездившемуся мальчишке. Пускай Остерман думает, что у меня слегка крыша съехала на почве горя, так даже лучше, пока во всяком случае. – Как тебя звать, отрок? – я прочувствовал, как это звучит в устах четырнадцатилетнего пацана, и едва не заржал, но сдержался.

– Меня-то? – удивление мальчишки было настолько велико, что мне даже стало неловко.

– Тебя-то, как меня звать-величать, я разумею. Так же как и Андрея Ивановича.

– Митька, – ответил пацан, продолжая пожирать меня взглядом. Карету качнуло, и он на секунду отвлекся, чтобы своей огромной кочергой придержать печь.

Я прищурился. А пацан-то сильный, я и поднять эту бандуру вряд ли смогу, а он вон как ловко ей орудует. Хотя я силушкой не обделен, проверил уже, когда едва шкаф с книгами не опрокинул. Удержал, убедившись заодно, что силен, совсем не на тринадцать лет.

– Митька, а по батюшке?

– Ивана Кузина сын, – еще тише произнес пацан.

– Дмитрий Кузин, значит, – я задумчиво смотрел на него. – Ты холоп царев?

– Не-а, – он швыркнул носом и вытер его рукавом не слишком чистой рубахи. – Государем Петром Алексеичем, вашим дедом, значит, весь род Кузиных освобожден из холопов. Мы даже грамоту имеем. За службы государеву даже денюжку получаем. По пяти копеек за полную седмицу, ну и рупь на праздники большие, это как велено.

– Понятно, – я все еще продолжал смотреть на него. – Вот что, Дмитрий свет Иванович Кузин, я желаю видеть тебя подле себя в своих палатах. Будешь моим личным слугой, – повернулся к Остерману и попытался покачать права. – Андрей Иванович, оформишь, как положено, чтобы в челядь мою личную этого отрока перевели.

– Зачем вам это, государ? – Остерман скривился, глядя на смотрящего с недоверием Кузина.

– Потому что я так хочу, – я прищурился, а Остерман, наоборот, расслабился, увидев своего самодурствующего господина в том качестве, в котором привык его видеть. Он кивнул и снова закрыл глаза, приготовившись дремать дальше.

Карету больше не раскачивало, несмотря на то, что творилось снаружи, здесь непогода практически не ощущалась. Я же рассматривал свое первое приобретение и думал, а на кой черт он мне все-таки сдался? Я не помню ни одной выдающейся личности этого времени по фамилии Кузин. Да и хрен с ним. Одно я знаю совершенно точно, этот пацан, который так внезапно возвысился, будет предан мне и только мне до самого гроба, неважно чьего, надеюсь, что все-таки не моего.

Карета еще раз качнулась и остановилась. На этот раз дверь открывалась еще дольше, ветер прижал ее и не собирался уступать каким-то людишкам, осмелившимся бросить вызов стихии. Наконец, распахнувшись под напором троих людей, подхваченная ветром с такой силой, что я невольно представил, какую вмятину она оставит на стенке кареты, впечаталась в эту самую стенку. В проеме снова появился Бутурлин и проорал:

– Приехали, с божьей помощью! Разрешите помочь вам выйти, государь?!

Ну, почему бы и не разрешить? Я схватил протянутую руку и спрыгнул, сразу же попав в вихрь снега, забившего мне рот и нос, не дающего ничего рассмотреть. Бутурлин потащил меня куда-то, и я просто перебирал ногами, стараясь не слишком отставать, потому что у меня сложилось стойкое впечатление, что я точно заблужусь прямо посреди этого двора, если отпущу сильную мозолистую руку своего провожатого. Да, графья здесь явно не были белоручками, хоть и надевали эти идиотские парики, которые я лично сожгу, при условии, что выживу. Ну а что? Дед бороды рубил, а я парики буду жечь, каждый правитель имеет право на маленькие слабости.

Последний порыв ветра швырнул мне в лицо пригоршню колючего снега, и тут я перешагнул порог, за которым меня встретило тепло и полное безветрие. Подняв руку, я вытер лицо, убирая с него последствия бури, и только после этого огляделся. Ну, на дворец имение графа Бутурлина походило мало. Сюда пока еще не дошла мода на пышные усадьбы а-ля Кусково. Я стоял посреди небольшого холла, очень уютного и теплого. Теплого не в смысле, что его хорошо отапливали, а в смысле, что в нем было приятно находиться. Прямо напротив того места, где я стоял, располагалась большая лестница, ведущая на второй этаж. Вправо и влево уходили длинные коридоры. Подняв взгляд на верх лестницы, отметил, что стены были просто хорошо побелены. Никакой лепнины, позолоты и других излишеств не наблюдалось.

– Позвольте проводить вас в комнату, государь, где вы сможете отдохнуть.

Я посмотрел на открытое лицо денщика моего деда и думал о том, что о нем говорили при дворе. Вообще-то я просто умел слушать и анализировать услышанное, а челядь вовсю болтала, что царевна Лизавета отдала свою любовь статному графу, и, опять-таки по слухам, не только платоническую любовь, но и кое-что большее. Я смотрел не мигая на любовника своей тетки и пытался решить, что же мне с ним все-таки делать? Насколько я помню, Петр Второй сослал его куда-то служить, в тьму тараканью, поддавшись ревности, но я-то с ним отношений не портил. Он же стоял передо мной, малолетним придурком, который является его императором, практически навтыяжку и не шевелился, ожидая ответа. Мои размышления прервали причитания Остермана о скрутившем его ревматизме. Внезапно я осознал, насколько сильно замерз.

– А не сообразить ли нам баньку, Александр Борисович. Я вельми замерз, что пес шелудивый, – старательно проговаривая слова, обратился я к Бутурлину.

Тот вздрогнул, словно я брякнул нечто не укладывающееся в его голове, но затем встрепенулся и даже улыбнулся уголками крупного рта.

– Как будет угодно государю. Эй, Михайло, ты где, песий сын?! – заорал он, кого-то зазывая к себе. – Я распоряжусь, а вы пока все же пройдите в спальню, государь. Не в дверях же баньку ждать будем.

Запретив ехать со мной Долгоруким, я волей-неволей согласился на камер-юнкеров, которые числились в свите Елизаветы и были закреплены за дворцом в Царском Селе. Кроме Бутурлина, меня сопровождали и оба Шувалова: Петр и Александр Ивановичи. Как мне было известно, братья были погодками и приняли активное участие в возведении Лизки на трон. Оттуда получили титулы графьев и много печенек. Но это случится только через десять лет. Смогу ли я повлиять на них сейчас? Ведь они еще совсем молоды – чуть старше меня самого, одному восемнадцать, а другому девятнадцать годков всего. Чтобы сломать эту чертову систему, мне во что бы то ни стало нужно было отодвинуть от себя Долгоруких. Возможно, если не будет той помолвки с Екатериной Долгорукой, и все остальное свернет с неповоротливых рельс истории?

– Александр Борисович, – перед тем как подняться все же наверх, окликнул я Бутурлина. Он развернулся и посмотрел на меня, словно ожидая, что я вот-вот

прикажу не организовывать никакой бани. Ну уж нет, я действительно замерз, а эта чертова форма вообще ни хрена не греет. – Александр Борисович, я надеюсь, что банька у тебя вместительная? Не по нраву мне одному-то париться. Поди места для всех камер-юнкеров хватит, ежели не ошибаюсь, трое вас разделить со мной мою печаль поехали?

Он медленно кивнул, я же направился наверх, чтобы подумать, каким именно образом разговорить и самого Бутурлина, и Шуваловых. Надо пользоваться любой подвернувшейся возможностью обрасти соратниками, иначе ничего хорошего у меня не выйдет.

Глава 3

Подъезжая к Царскому Селу, я ожидал увидеть то, что помнил как Екатерининский дворец, во всем его великолепии, но меня ждало большое разочарование. Нет, дворец был, и был построен он относительно недавно, можно сказать, что в воздухе еще витал запах краски, и он оказался даже довольно просторным, двухэтажным, аж на шестнадцать светлиц. Вот только если бы со мной действительно потащился весь двор, то спать многим кавалерам, да и дамам (я всегда был за относительное равенство полов), пришлось бы на конюшне или в свинарнике. В зависимости от табели о рангах и моего личного расположения. О чем только думала Елизавета, когда предположила, что ее имение, а чем-то большим, чем простое имение, это будущее великолепие не назовешь, сможет принять всех желающих сопровождать императора, если бы я им это позволил? Да ни о чем она, похоже, не думала, кроме того, что наберет этой нелепостью бонусные очки в незримой борьбе, которая всегда велась вокруг трона любого правителя. Но Елизавета особым умом все же не блистала. Она была хитрой интриганкой, но не семи пядей во лбу. В мамашу пошла, не иначе, хотя ее родительницу, которую Меншиков так удачно подложил под деда, и интриганкой-то назвать было сложно. Интриганом был сам Александр Данилович, а Марта Крузе – всего лишь красивым трофеем, приглянувшимся русскому царю. Знал бы кто, что эта латышская прачка когда-нибудь станет императрицей...

– Вы действительно хотите здесь держаться три месяц, государ? – Остерман смотрел на «дворец» с таким ужасом, словно ему как раз место в свинарнике

досталось и я об этом ему только что торжественно объявил. А, ну да, мы же здесь практически отрезаны от мира, а как этот интриган сможет прожить без ежедневных интриг? Смартфонов почему-то еще не придумали, вот Андрей Иванович и переживает шибко, как же там Верховный тайный совет без него, не заскучает ли? Но я рассудил, забирая вице-канцлера, отвечающего у меня за внешнюю политику, что за три месяца зимы в плане дипломатии все равно ничего не изменится. Зимой дипломатия замерзает, впадает в спячку, так что Остерману оставались интриги российского двора, а их было немало, вот от интриг пускай и отдохнет, горемычный, а то опять то ли с мигренью, то ли с подагрой свалится, в самый неподходящий момент. Здесь же свежий воздух и парное молочко, и, самое главное, никаких политических друзей или врагов, чем не курорт?

– Да, Андрей Иванович, вы совершенно правы, три месяца и ни минутой меньше, – сказав это, я пошел бодрым шагом ко входу в основное здание.

Но никакой бодрости я не чувствовал, потому что сопровождение мое было, мягко сказать, не слишком надежным. Шуваловы в баньке у Бутурлина так и не раскрылись, отвечали на вопросы односложно и дико стеснялись нашей совместной наготы. Если бы не сам Бутурлин, то никакого удовлетворения мне эта спонтанная баня не принесла бы. Вот Александра Борисовича я, пожалуй, придержу подле себя, возможно не сразу, но удастся его приручить. Он мне показался весьма умным, целеустремленным и не обделенным здоровым карьеризмом. Привлекало меня в его обществе еще и то, что они с Иваном Долгоруким терпеть друг друга не могли. Так что у меня есть три месяца, чтобы как-то попытаться наладить с графом контакт. А вот от Шуваловых нужно в ближайшем же будущем избавиться. Они слишком преданны Елизавете, не исключено, что влюблены в мою довольно привлекательную тетку со всем пылом юности, которую не только приблизили, но еще и одарили невиданными прежде милостями в виде придворных должностей. Нет, возможно, чуть позже, когда пройдет это бездумное восхищение Лизкой, с ними можно будет поработать, но не сейчас. Сейчас я от этих парней максимум, что могу получить – это удар в спину.

– Государь, куда прикажете Митьку турнуть?

Вопрос был задан зычным голосом и прозвучал так неожиданно, что я невольно вздрогнул, а сердце совершило небольшой кульбит в груди. Ну нельзя же так людей пугать, особенно императоров! Когда сердце немного успокоилось, я

повернулся на голос и увидел слугу в ливрее, которого уже замечал в своих покоях в Кремле. Он выполнял всю работу при моей особе и, похоже, был одним из личных и приближенных слуг, только вот я так и не удосужился узнать, как его зовут. И чем больше проходило времени с момента того несчастного случая в лаборатории, тем меньше информации поступало ко мне от изначального хозяина этого тела. Словно остаточная память исчерпала себя, и дальше мне приходилось выкручиваться уже самому. Впрочем, не исключено, что Петр понятия не имел, как звали этого слугу и я больше себя накручиваю. Но он стоял рядом и ждал ответа, а я не знал, что именно отвечать, потому что до сих пор не понимал, зачем я вообще этого Дмитрия Кузина к себе приблизил.

– С собой возьми, – наконец, я принял решение. – Покажи, как одежду разложить правильно, пускай учится, – я отвернулся и снова начал осматривать фасад дворца.

Погода была ясная, солнечная, и снег искрился и переливался, добавляя и дому, и парку некое застывшее очарование. Мне всегда нравился Екатерининский дворец. Когда я бывал в Питере, то всегда в обязательном порядке ездил сюда. Мне нравилось просто бродить по комнатам и переходам дворца, по его великолепному парку. Если бы не обстоятельства, я бы обязательно изыскал средства, чтобы воссоздать его, нашел бы архитектора, воспроизвел некоторые вещи по памяти... Как только я подумал про это, так сразу же и прикусил губу. Что это, если не принцип Новикова в полноте своей злое... Спокойно, Петр Алексеевич, спокойно. Ты ученый, ты физик, а работа в государственных структурах научила тебя считать деньги. Так что ты можешь много хорошего привнести в этот мир, только этот год переживи, и можешь начинать строительство. Сжав кулаки, я поспешил зайти в дом, все-таки у меня язык не поворачивается назвать это имение дворцом.

Пока разбирали мои вещи и безымянный для меня лакей учил этому нелегкому делу Митьку, периодически покрикивая на него, если тот делал что-то неправильно, я решил не мешать людям работать и пошел болтаться по этому самому первому варианту Екатерининского дворца. Комнаты были однотипными, столовая не слишком большая, а бальный зал я бы даже назвал убогим. Вот кабинет мне понравился. Он располагался на первом этаже, и прямо из него можно было попасть в сад через французское окно, на случай зимы плотно занавешенное. Кроме французского, присутствовало еще и простое окно, огромное, с широченным подоконником, на котором, наверное, было удобно сидеть с книжкой, поглядывая на парк. Мебель очень консервативная и

функциональная. Все строго и навевает на рабочий лад. Пройдя мимо стола, я провел рукой по крышке, наслаждаясь прекрасной работой и текстурой. Шикарное дерево, как и все, что было из него сделано.

Почему-то вспомнилось выражение лица Остермана на мой отказ заниматься науками. Он отнесся к моему демаршу прямо-таки с библейским смирением, видимо, подобные закидоны были не впервые и не удивляли моего наставника, вот только сильно удивляло меня то, что он не настаивал, идя на поводу у юнца, даже не пытаясь того хоть как-то переубедить. Но, с другой стороны, прочитав расписание занятий, где большую часть времени уделялось математике в разных ее видах, я только руками развел. Ну чему меня мог научить Остерман новому в точных науках? Вот про геополитику я бы с удовольствием послушал, вот только такой очень нужный для молодого царя предмет почему-то не включили в образовательную программу. Неужели решили вообще меня к принятию решений не допускать? Очень даже похоже на правду, вот только здесь и сейчас я вполне могу влиять на Андрея Ивановича и заставить его начать меня учить по-настоящему и именно тем наукам, которые мне необходимы. Но пока рано такими вещами шокировать опытного царедворца. Вот посидим здесь пару недель, поскучаем, тогда и можно будет подкатить. Ну а что? Государь скучать изволит, а со скуки чем только не начнешь заниматься, даже геополитикой. Так и до экономики можно докатиться.

Навалившись на широкий подоконник, я тупо смотрел на заснеженный сад. Мысли в голове скоро закончились, осталась только черная пустота безнадёги, потому что я мог бы попробовать изменить что угодно, вот только что делать с болезнью, которую и в мое-то время не слишком успешно могли лечить, а справились с ней только благодаря вакцинации, которая начнется лишь спустя полвека. Точнее, спустя полвека впервые будут опубликованы данные, прямо говорящие о том, что коровья оспа спасает от натуральной черной, нужно только не бояться и прививать ее себе. Пойти по пути Екатерины, которая Вторая, что ли? Насильно привить коровьей оспой какого-нибудь крестьянского мальчишку, а потом сковырнуть у него болячку и присобачить себе? Можно же так, как и Екатерина, заманить его на этот фортель титулом, который тот мальчишка действительно получил. А что, я же император, вполне могу кого угодно в графья произвести и деревеньку какую-нибудь подарить. И кто сказал, что Сибирь – это не часть Российской империи? Так, стоп. А зачем мне мальчишка? Зачем привлекать ненужное внимание сомнительными для сегодняшнего дня действиями? Можно ведь поступить гораздо проще и найти корову, зараженную коровьей оспой. Тут вроде бы неподалеку скотный двор есть, не зря же я вспомнил про парное молоко для Остермана, просто мычание

услышал, вот и подумалось.

Мысль мне не дал додумать до конца странный шум, раздавшийся из коридора. Я с удивлением обернулся на дверь и увидел, что она слегка приоткрылась и тут же прекратила движение. Словно кто-то пытался ее открыть, а кто-то что есть силы препятствовал этому. Наконец эта безмолвная борьба прекратилась, и до меня донеслись голоса с весьма выраженными иностранными акцентами.

– А я говорю тебе, герр Миних, что государя сейчас не время тревожить твоими досужими, назойливыми...

О, а граф Миних здесь что потерял? А он не должен сидеть в Петербурге и на правах градоначальника заниматься его обустройством?

– Да как ты вообще можешь так говорить о делах государственного толка? – Второй голос был грубоватый, и произносил он свой вопрос с некоторой натугой, из чего можно было сделать вывод, что это именно он пытается открыть дверь, а Остерман всячески ему препятствует в этом нелегком деле.

Мне внезапно стало любопытно, кто же из этих вечных соперников в итоге победит в их противоборстве, и я с удовольствием уставился на дверь, пожалев, что не захватил с собой каких-нибудь сухариков.

– Да как ты не понимаешь, у его императорского величества горе. Го-ре! А ты... – надрывался Остерман, у которого, похоже, все признаки радикулита прошли, или чем там он в Москве маялся, отказываясь ехать на это богомолье.

– Это ты, Остерман, не понимаешь, что у меня тоже есть горе! И еще какое горе! А горе государя можно легко заглушить работой...

– Солдафон саксонский!

– Петух гамбургский!

Так, а вот это уже совсем нехорошо, это уже дуэлью пахнет, а у обоих дуэльный опыт имеется со смертельным исходом для оппонента, один даже из-за него в Россию сбежал, чтобы под суд не попасть. Я отлепился от подоконника

и подошел к двери, которая застыла в шатком равновесии: ни туда – ни сюда. Взявшись за ручку, я с силой рванул ее на себя, в который раз уже отмечая, что для подростка удивительно силен. Вот что значит постоянная охота и езда верхом. Дверь распахнулась, а стоящие за ней Остерман и Миних повалились на пол к моим ногам, от неожиданности выпустив ручку, в которую вцепились оба, не позволяя сопернику полностью завладеть сим ценным объектом.

– Я, конечно, весьма ценю ваши верноподданнические выражения, но я все-таки не падишах, и такое раболепие мне не по нраву. – Я покачал головой и протянул руки, чтобы они ухватились оба и не видели еще и в этом причины для бахвальства и для соперничества.

– Андрей Иванович, Христофор Антонович, что же вы как дети малые? Поднимайтесь уже, голубчики, рассаживайтесь и рассказывайте, что привело к таким коллизиям.

Миних вскочил, едва коснувшись моей левой руки кончиками пальцев, лишь обозначив, что принял помощь. Остерман же ухватился за руку крепко, чуть из сустава не вырвал, зараза, но встал на ноги весьма бодро, что заставило меня в очередной раз усомниться в его болезнях: как настоящих, так и мнимых.

– Так что у вас произошло, что вы такой вот потешный балаган у дверей организовали? Развеселили меня, не без этого, но меру тоже знать надобно.

– Я убедительно просил графа Миниха пощадить ваши чувства и во время траурной скорби немного отложить дела... – начал Остерман, но его перебил Миних:

– Как только я узнал, что ваше величество прибыло сюда, вблизи Петербург, я сразу же велел седлать сани. Мы закончили Ладожский канал! Теперь перед вашим величеством открыта дорога к соседям безопасная, не в пример той, что шла по постоянно волнующемуся Ладожскому озеру.

– Да, я в курсе.

Я действительно был в курсе. Ладожский канал, в обход постоянно штормящему Ладожскому озеру, был начат еще при Екатерине, если не при деде, и построен весьма кстати. Он существенно сократил путь к некоторым странам Европы, что

практически сразу оценили купцы, как наши, так и иноземные.

– Это чрезвычайно похвально, и я лично благодарю вас, Христофор Антонович, за верную службу. Извини, но орден пока не дам, траур у меня, сестренка любимая скончалась, упокой Господь ее светлую душу.

– Благодарю, государ, но я не для орденов стараюсь. Только для страны, приютившей старого бродягу, и ее императора.

Я даже улыбнулся. Не знаю почему, но было забавно слышать, как иностранцы не могут смягчить некоторые звуки. Но, черт возьми, они стараются. Они действительно стараются, и в конечном счете сделали для своей второй родины гораздо больше, чем некоторые доморожденные аборигены. Это я про Долгоруковых задумался. Нет чтобы вон Миниху помогать армию восстанавливать и Петербург строить, мы лучше почерк царя подделывать будем учиться. Оно же понадежнее будет. А самого царя на охоту да по бабам, чтобы вопросами лишними не задавался. Но Миних продолжал говорить, и я заставил откинуть в сторону тяжелые пораженческие мысли и включился в беседу.

– Нужны корабли! Нужны корабли для речного флота и для флота! Зачем, спрашивается, я строил этот канал, если по нему в итоге не будут ходить корабли?

– Нужны, – я кивнул, откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком. Ну, ничего нового он мне не открыл. Корабли нужны. Да много чего нужно, но где взять на все эти нужды обеспечение? – Я разве спорю? Но на что мы будем их строить? – задал я Миниху вполне риторический вопрос, который не требовал ответа. – Петербург высосал из казны все, до копейки, и согласись, Христофор Антонович, это еще не все траты на город великого деда моего!

Это была неправда, что денег совсем нет, но казна действительно находилась в плачевном состоянии. Это было первое, что я сделал, когда прекратил истерить – послал запрос в Верховный тайный совет о нашем финансовом состоянии, лично Голицыну. На этот запрос Дмитрий Михайлович отписал мне весьма подробный отчет, из которого я сделал вывод, что история, как и статистика – вещи весьма управляемые, и Петр Второй, может быть, и хотел что-то сделать, но не мог из-за банальной нехватки денег. При этом он ничего не скрывал, ну а

чего скрывать-то? Можно подумать, тринадцатилетний сопляк что-то там в том отчете поймет. Ясно же как божий день: отчет для чего-то понадобился или Остерману, или Долгорукому, а вот зачем, это пусть они между собой выясняют, авось глотки друг дружке перегрызут. Но факт оставался фактом, дебет с кредитом не слишком сходились. При этом перекося шел именно что со строительства, которое, согласно отчету, не прекращалось ни на минуту. Только вот новых построек я что-то не наблюдал, особенно в Москве. А вот куда на самом деле эти деньги девались, вопрос на миллион. И этот вопрос я задал уже Головкину в письме, встречаться очно мне пока было боязно. Тот тоже, скорее всего, подумает, что этот отчет на самом деле нужен не мне, а кому-то еще. Ну и пускай пока так думает, от меня что, убудет, если мне кого-нибудь еще в фавориты запишут. Пущай Ванька поволнуется, да и высмотреть попытается, кто это на его место метит. Я, конечно, как мог, навел справки, но все, что мне удалось узнать, Головкин был на ножах с Долгорукими, а так как именно он занимал место канцлера, то и ответ держать было ему. При этом в письме я настоятельно рекомендовал не озвучивать его при Верховном тайном совете, а действовать единолично. Вот и узнаем, как именно Головкин воспользуется дружеским, в общем-то, советом. Ответа я пока не получил, но, подозреваю, канцлер просто не может сообразить, сколько нулей в копилку казнокрадства отписать Долгоруким и сколько уменьшить у себя. Но, как бы то ни было, точная сумма, оставшаяся в казне, была мне известна, и там точно не было средств на строительство флота – ни речного, ни морского, никакого.

– Это не может быть. – Миних нахмурился. Он тоже умел считать деньги и не понимал, как его детище внезапно сделалось таким затратным.

– Может, еще как может, – я пристально посмотрел в его открытое лицо, сейчас нахмуренное.

Похоже, переживал искренне, и если и воровал, то очень умеренно, так что на итоговом состоянии казны это точно не отразилось. Вот тот человек, на которого я могу в случае чего положиться. Скорее всего. Но, может быть, и нет. Я понятия не имею, чью сторону занимал Миних. Он всегда был себе на уме, и о чем он думает прямо сейчас, не стоит даже и гадать. Но все же нужно посмотреть на его реакцию. Если он справится, если я переживу этот год, если... Как много этих «если», но задел на возможное будущее необходимо создавать прямо сейчас.

– Нам нужен флот, – упрямо сжав челюсти, повторил Миних. Он понимал, что, с одной стороны, момент не слишком подходящий, но с другой, когда и где он мог еще застать императора одного и в настроении «делайте что хотите, только оставьте меня в покое», а не окруженного сворой друзей сердешных, шепчущих на ухо, что-де ну его, флот, поехали лучше на охоту и вообще кутить? Поэтому он решил не сворачивать с полдороги, даже если окончательно испортит отношения с государем. – Ладожскому каналу нужен флот. России нужен флот! Любой, но позарез!

– Денег нет, – так же упрямо ответил я, внезапно поняв, что, даже если деньги и были бы, я все равно ответил бы: «Нет, денег нет». Мне очень нужно было узнать: отступит или нет? Будет думать, как выкрутиться из ситуации, или тупо вернется в Петербург, ждать, когда на него блага со стороны государя-императора свалятся? Мы почти минуту боролись взглядами, и я одержал свою маленькую первую победу – Миних первым отвел глаза и задумчиво впери их в окно, наблюдая, как я недавно, за застывшим в искристом снежном великолепии парком. Воцарилась тишина, которую хотел было прервать Остерман, но, встретившись глазами с моим шальным взглядом, проглотил то, что вертелось у него на языке. Наконец Миних снова перевел взгляд на меня.

– А если... – Он запнулся, но затем решительно продолжил: – Если я изыщу деньги?

– Тогда они ваши, – я сел прямо. – Если, Христофор Антонович, ты изыщешь необходимые на строительство средства, то, вот вам крест, ни одна копейка не уйдет на сторону, все будет вложено в корабли, стройте свой флот речной, морской, да хоть «Титаник» отгрохайте, чтобы он полностью Ладожский канал собой занял, прости Господи, что вслух подумал, ни словечка против я не скажу. Вот, Андрей Иванович будет свидетелем наших с тобой договоренностей.

– Тита... Что? – Миних недоуменно переглянулся с Остерманом, который только плечами пожал.

– Да корабль огромный, чтоб как титан среди кораблей был, – вздохнув, перевел я непонятное слово. Нужно следить за языком, хоть они и иностранцы, но тоже могут что-то заподозрить. Я же сюда как раз приехал учиться говорить, как-никак.

– Над этим, конечно, можно порассуждать на досуге, но не ко времени пока. Да и зачем такой корабль вообще нужен? – Миних расслабился и даже позволил себе развалиться в кресле. Дело было сделано, обещание, хоть и не слишком надежное, Петр уже нарушал данное слово неоднократно, получено. Раз не отказался на этот раз категорически, то в любом случае можно будет дожать, а значит, можно порассуждать на отвлеченные темы, пока не выгнали. – Скажи, государ мой, когда Витус Беринг вернется с победой над льдами северных морей, что ты намерен будешь предпринять?

Что-что, Аляску к рукам прибрать, и никаких продаж и сдач в аренду, самим пригодится, что же еще? Но вслух я ничего подобного не сказал, лишь развел руками.

– Не знаю пока, Христофор Антонович. Беринг еще не вернулся, откуда нам ведомо, что за вести он привезет? Кабы и нет там ничего, кроме льдов непроходимых. Как вернется, так и спросим, а там и решать будем, что с его ответами делать.

– Сие речь не мальчика, но мужа, – Миних поднял палец вверх, впервые с некоторой долей уважения посмотрев на начавшего вроде бы взрослеть императора. – Да простит меня государ император, но горе пошло тебе на пользу. Великая княжна смотрит на тебя с небес и гордится.

– Я бы очень хотел в это верить, Христофор Антонович, очень сильно хочу в это верить, – я печально улыбнулся и повернулся к Остерману. – Андрей Иванович, а ты пошто сидишь, словно не родной? Тебе и сказать на вести Христофора Антоновича нечего, что ли?

– Я бы сказал, что ты начал взрослеть, государь Петр Алексеевич, – Остерман отвесил мне легкий полупоклон. – И я от имени Верховного тайного совета могу выразить надежду, что по истечении глубокого траура ты намереваешься снова посещать наши заседания без различных отговорок и оглядок на кого бы то ни было? – Я кивнул, почему бы и нет? Посетим, послушаем, о чем они там заседают. – Это ошень, ошень радостная весть.

Я заметил, что когда Остерман волновался, то его акцент звучал отчетливее. Непонятно, с чем это было связано, но запомнить данное обстоятельство не помешает, возможно, это знание мне когда-нибудь пригодится. Я повернулся к

Миниху, который наблюдал за нами с расслабленной полуулыбкой.

– Христофор Антонович, если не секрет, а где ты хочешь начать поиски денег на так необходимый всем нам и Российской империи флот?

– Пока не знаю, государ. Попытаю купцов и просто заинтересованных людей... Россия богата на огромные реки, что здесь близ Балтийского моря, что в далекой Сибири. Может быть, вы мне выделите пару человек в помощь? – Миних решил, что раз пошел такой расклад, то можно и поборзеть. Ну а почему бы и нет? Ничего сверхъестественного он пока у меня не просит. – Чтобы стали моими ногами, которых у меня всего две, могу не успеть за всем, да были на связи между нами? – Понятно, хитрый саксонец делает все, чтобы я от слова, почти наедине данного, не отвернул. Ну а чем больше о нашем договоре людей будет знать, да еще и «моих» людей, пойти на попятную будет значительно труднее. Разумеется, ничего важного он выделенным мною людишкам не поручит, но само их наличие... – Очень может быть, понадобится личная встреча с государем.

– Братья Шуваловы вон без дела маются, – я махнул рукой в сторону двери. – Забирайте и располагайте. Андрей Иванович поможет бумагу составить. – Я улыбнулся на этот раз почти искренне. От одной головной боли в виде Шуваловых, кажется, избавился. Посмотрим, как оно дальше пойдет. А вот проблемы флота и армии так и остаются пока нерешенными, потому что такие дела с полпинка и быстро не делаются. Я пока ничего не могу изменить, что не учитывалось бы историей этого времени. Ничего! Но хотя бы я начал двигаться в нужном направлении. Только бы не ошибиться.

Глава 4

Как я и предполагал, кабинет вскоре стал моей любимой комнатой. В нем я проводил большую часть времени, в нем я пытался вникать в дела тяжелого неповоротливого механизма, называемого Российская империя. Так как дворец принадлежал Елизавете, то очень быстро я нашел тайное отделение в столе, где хранилась личная переписка моей несравненной тетки с... вот тут я, наверное, впервые не поверил своим глазам: с Долгорукими. Несколько писем было от Ивана, пара от его отца Алексея Григорьевича. По этим письмам можно было

выстроить хронологию их интриг. Сначала отношения были очень доверительные, и Долгорукие всюду поощряли заигрывания Лизки со мною, во всяком случае со стороны Алексея Григорьевича. Иван был более сдержан, и по его письмам не было заметно, что все эти подковерные игры ему по душе. Прочитав очередное письмо, я задумался, может быть, Ванька еще не потерян для меня? Вон как переживает, и похоже, что даже искренне. Я мотнул головой. Нет. Долгоруких нужно потихоньку вытеснить со сцены, слишком уж много они начали себе позволять. Дальше было интереснее. Лизка связалась с Бутурлиным – и понеслось охлаждение, а все потому, что, оказывается, граф был зятем Голицына. Так вот почему его послали со мной. Ясненько. Никто из противоборствующих партий не хотел упускать царя из вида. И вот тут-то складывалась интересная картина: Голицыны плотно схлестнулись с Долгорукими и всячески обхаживали Лизку, бывшую в фаворе. Ну еще бы, с такими... хм... персями, да не завести четырнадцатилетнего отрока? И самое главное, между ними особняком стоит Остерман. И не слишком понятно: то ли он не может определиться с партией, то ли всем основательно надоел, и мне следует ждать в ближайшем будущем основательный подкоп под моего воспитателя? Сейчас пока трудно что-то определенное сказать, проживем, как говорится, увидим. Убрав письма обратно в тайник, я задумался, а что если сделать эту вражду ну совершенно непримиримой? Скорее из недомолвок, чем из открытых высказываний я понял, что Ванька к Лизке неровно дышит. И она вроде бы тоже не против высокого статного красавца. Натравить отца на сына – это же классика. Правда, панночки у меня красивой под рукой нет, зато есть тетка, обладающая весьма приличными достоинствами. Это следует обдумать.

Также я выяснил, что посланником Франции был некто Марьян, а не Шетарди. Но этот крендель ничего собой не представлял. Вот испанского посла де Лириа следовало как минимум остерегаться, но он не желал мне зла, наоборот: Испания как раз таки желала видеть Россию сильной морской державой, уж очень их достали англичане, и Испания просто спала и видела, как бы половчее сравить Англию с Россией. А самой тем временем беспрепятственно заниматься обогащением в Америках и на различных островах. Дело, конечно, хорошее, только вот не для нас. Так что пока де Лириа оставим на том месте, где он стоит, мне пока не до Англии. В конце концов, на пятый день всех этих разборов и осторожных консультаций с Остерманом, который, как ни странно, всецело поддержал мои пока вялые попытки заняться настоящим делом, я понял, что у меня начинает течь крыша. Поэтому я временно оставил попытки разобраться с серпентарием, окружавшим меня. Единственное, что получилось сделать – отослать Бутурлина в Петербург под предлогом узнать, как там дела у Миниха обстоят. Ну и что, что прошло меньше недели? Вдруг старый саксонец вытащил

туз из рукава и хочет меня удивить?

Отодвинув в сторону внешние дела, я попытался разобраться в российском законодательстве, в котором основательно зарылся во всех этих коллегиях и канцеляриях, да так, что, когда пытался понять, что же такое Дворцовая конюшенная канцелярия, заполучил полноценную мигрень, которая свалила меня на три дня, во время которых я даже на свет не мог смотреть из-за адской головной боли. К тому же на вторую неделю моего пребывания в этой добровольной ссылке открылся у меня по утрам просто дикий кашель, разрывающий грудь, после приступа которого было больно дышать. А во время приступов у меня появлялось ощущение, что я выкашливаю собственные легкие. После каждого такого приступа я тщательно изучал платок, боясь увидеть на нем кровавые следы. Но, слава богу, крови не было, значит, чахотка, от которой умерла сестрица, меня минула. Но это тоже ожидаемо, все-таки отрок Петр много времени проводил на охоте – смотри на свежем воздухе, так что какая-то сопротивляемость организма к разным недугам у меня была. Вот только поехавший со мной медикус, прибегавший в мою спальню каждый раз, когда кто-то слышал мой дикий кашель, только руки заламывал, не зная, что со мной происходит, и все время предлагал пустить дурную кровь. Я посылал его, иногда даже не стесняясь озвучить конечный адрес, в перерывах между мучившими меня приступами.

Наконец до меня начало доходить, что же со мной происходит. В отличие от медикуса, я догадывался, что послужило причиной моего состояния. Все очень просто – я бросил курить. Работа в лаборатории приучила меня к дисциплине, к тому же мы боялись лишний раз потревожить объект дополнительными раздражителями, типа табачного запаха, так что мне даже в голову ни разу не пришло, что можно раскурить трубочку. Вот только эти легкие не привыкли так долго оставаться без никотина. Нет, я, конечно, догадывался, что отрок, в чье тело меня зашвырнул объект, эксплуатировал это самое тело самым нещадным образом, но даже не мог предположить, что в таком нежном возрасте он добьется таких поразительных успехов. Нужно было приводить себя в порядок, если я хотел уже очень скоро противостоять грозной болезни, вот только я ни хрена не медик и понятия не имею, чем можно заменить аспирин в условиях восемнадцатого века. Единственное, что приходило на ум, это воспоминания детства и очень сладкий сироп, которым поила меня бабушка, когда я простужался, приготовленный из корня солодки. Воспоминания включили ассоциации, которые закончились черными лентами весьма специфических сладостей. Лакрица. Вот как эта сладость называлась. Про лакрицу здесь знали. И очень скоро я вытребовал себе кучу этой сладости, правда, тот лакей, который

учил уму-разуму Митьку, так на меня посмотрел, когда передавал заказ, что я потом не вытерпел и потребовал разъяснений у Митьки, который уже почти постоянно был рядом со мной.

– Ну дык, это же, о-о-о...

– Это все очень познавательно, но теперь повтори, да так, чтобы я тебя понял, – я нахмурился, глядя на покрасневшего Кузина. – И не мыкай, не бычок, которого от титьки мамкиной оторвали.

– Так ведь это ж всем известно, государь Петр Алексеич, что лакричка-то прямо в корень уходит, как сама из корня сделана была.

– Короче.

– Дык силу она мужскую увеличивает, государь, знамо дело.

– Тьфу, – я не удержался и сплюнул. – Вот дураки. Да на кой мне лакрица в этом деле надобна? Или ты тут девок пригожих да веселых видишь? Все лишь бы языком молоть, а подумать ну никак. Ну нажрался бы я корешков сладеньких, да куда бы потом силушку мужскую девал? Повариху пошел бы очаровывать?

– И то верно, государь, – Митька потер лоб. – Но зачем тогда она тебе, когда столько сладостей и наших, и заморских, вон цельные вазы.

– Ты что же, правда знать хочешь? – я посмотрел на Митьку более внимательно. Тот не ответил, только снова покраснел. – Читал я тут наемдни труды грека одного. Медикус он был знатный, его до сей поры все медикусы почитают. Гиппократ сего грека звали. Так вот в трудах тех сказано было, что лакрица кашель помогает убрать. Кашляю я в последнюю седмицу дюже, прямо сил уже никаких нет. Вот и решил проверить, правду ли Гиппократ этот писал или кривду. А ты, «сила мужская», – я не выдержал и хохотнул.

– И то верно, про кашель. Я ажно спать не могу, когда ты сгибаешься от этой заразы. Бегом за медикусом бегаю, – серьезно кивнул Митька. Так вот кому я обязан своим ежедневным отказам от кровопускания – очень даже модной процедуры. – Ежели поможет лакричка, то честь ей и хвала. А вот мой батя

Хипократов разных не читал, он вовсе читать был не обучен, но завсегда говорил, что при хвори грудной завсегда банька помогает, да ежели еще кваску на каменку плеснуть, да хлебным духом подышать...

– А давай-ка проверим твоего батьку, – я и вправду уже измучился и пытался хвататься за любое здоровое предложение. А предложение бани с полезными ингаляциями было вполне разумным.

В общем, совместными усилиями традиций семейства Кузиных и вероятных трудов Гиппократов, еще через неделю я уже не выхаркивал легкие, а вполне мягко откашливал остаточную мокроту по утрам. Головные боли тоже прекратились, и я решил, что выздоровел достаточно, чтобы снова начать заниматься. Остерман, который уже на стены лез со скуки и невозможности узнать, что творится при дворе, весьма обрадовался хотя бы возобновлению наших занятий, которые теперь сводились к долгим псевдофилософским беседам да разбору геополитических раскладов в мире. Вместе со мной и Остерманом в Царском Селе скучали две роты преображенцев. От нечего делать их командир, которым значился Никита Юрьевич Трубецкой, затеял проводить учения, дабы сильно не расслабляться и пребывать в готовности отбить любое нападение супостатов. Я же, глядя на то, как они маршируют, из окна кабинета, с тоской думал о том, как бы мне избавиться от преображенцев хотя бы на время. Слишком уж сильно у них все завязано на родственных и дружеских связях. К тому же слишком уж часто именно этот полк свергал одних императоров и садил на трон других, так часто, что ребята уже начали входить во вкус, и то ли еще будет. Да и Иван Долгорукий вот так, через преданных лично ему людей, незримо даже вдалеке от меня держит руку на пульсе. Интересно, а какие у него отношения с Трубецким?

– Государ, ты меня совсем не слушаешь! – Я вздрогнул и отвернулся от окна. Остерман поправлял на голове парик, глядя на меня гневно, плотно сжав губы. – Ты постоянно отвлекаешься, государ, так нельзя. – О как заговорил, а ведь совсем недавно не то чтобы поощрял, но не препятствовал моим демаршам против учебы.

– Извини, Андрей Иванович, задумался я что-то, – чтобы больше не отвлекаться от беседы, я отошел от окна и сел в кресло, сложив руки на коленях, как прилежный ученик. – На чем мы остановились?

– Мы остановились...

Ему не дал договорить звук открываемой двери. Вошедший слуга поклонился и пробасил:

– Гонец от Гавриила Ивановича Головкина и князь Куракин к государю, – высокопарно произнес он, явно наслаждаясь собственной важностью. – Изволите принять, государь?

– Зови, – кивнул я и повернулся к Остерману. Письмо от Головкина я очень ждал. Не то чтобы я рассчитывал увидеть в нем полный расклад по финансам, разумеется, нет, но кое-какие данные можно было выудить и между строк. – Извини меня, Андрей Иванович, но дела государственные никак не способствуют нашему дальнейшему разговору.

– О, я понимаю. Мне остаться? Как действующему члену Верховного тайного совета?

– Как пожелаешь, Андрей Иванович, как пожелаешь.

В это время дверь распахнулась, и в кабинет вошел, чеканя шаг, молодцеватый молодой мужчина в военной офицерской форме и неизменной треуголке. На вид ему не было еще и тридцати, высокий, черноглазый, с румянцем во всю щеку. Женщинам наверняка нравится. Перед ним же вошел невысокий дородный господин, с крупным носом на рыхловатом лице, высоким лбом, подчеркнутым париком, и пронзительными карими глазами. Как и офицер, он был еще довольно молод. Князь осмотрелся по сторонам и присел на стульчик, стоящий неподалеку от моего кресла. Так, что это значит? Это значит, что господину Куракину было позволено сидеть в моем присутствии. А за какие такие заслуги? Что-то я не помню слишком выдающихся дел за этим семейством, во всяком случае в эту эпоху. «Дядя», – словно эхо пронеслось в моей голове. Это эхо уже практически не проявлялось, что, несомненно, усложняло мою жизнь. Но... дядя? Ладно, об этом родственничке нужно разузнать поподробнее, а то мне и тети пока за глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shellina_o/izmenit-sud-bu-vot-eto-ya-popal

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)